

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

М.В. Харкевич

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Глобальное управление как концепция содержательно определяет современное развитие мировой политики и как дисциплины, и как практики. Взаимозависимый и глобализированный мир нуждается в управлении, при этом глобального правительства так и не сформировалось. Принципиальная возможность глобального управления без глобального правительства вполне доказана и обоснована. Цель данной статьи – аналитически выделить возможные формы глобального управления. Было выделено три основные формы глобального управления: иерархическая, рыночная и сетевая. В иерархии управление осуществляется в силу властной асимметрии между сторонами. Рыночное управление осуществляется через обезличенные механизмы ценообразования. Сеть в отличие от рынка характеризуется более тесной ценностной связью между акторами, однако в отличие от иерархических отношений они свободны вплоть до выхода из сети.

Б. Джессоп утверждает, что на уровне мировой политики вышеперечисленные формы управления реализуются в четырёх моделях метауправления. Первая из них состоит в реорганизации отдельных рынков (земли, труда, капитала, интеллектуальной собственности) и отношений между рынками путём изменения их институционального дизайна и условий взаимной кооперации. Вторая модель представляет собой «метаорганизацию». В частности, метаорганизационное управление проявляется в реформировании государственного аппарата в странах Запада по модели «нового публичного управления». Третья модель, называемая «метаиерархией», заключается в создании условий для самоорганизации иерархических систем путём улучшения каналов коммуникаций и переговорных практик между различными уровнями иерархии (как это делается в Евросоюзе). Четвёртая модель – «метасолидарность» направлена на создание условий, необходимых для укрепления солидарности на всех уровнях мировой политики.

Глобальное управление принимает различные формы и реализуется различными акторами. Определить наиболее эффективную форму реализации глобального управления невозможно. Эффективность главным образом зависит от соответствия формы управления объекту управления. При этом следует отметить, что метауправление скорее всего останется монополией институционально сильных государств.

Ключевые слова: глобальное управление, иерархия, рынок, сеть, солидарность.

Глобальное управление как концепция существенно определяет современное развитие мировой политики и как дисциплины, и как практики. В 1970-е годы определяющей концепцией была «взаимозависимость», в 1980-1990-е годы – «глобализация». Взаимозависимый и глобализированный мир нуждается в управлении, при этом глобальное правительство так и не сформировалось. Принципиальная возможность глобального управления без глобального правительства вполне доказана и обоснована. Цель данной статьи – аналитически выделить возможные формы глобального управления.

Традиционно в академической литературе выделяют три формы управления: иерархию, рынок и сеть. Логично предположить, что эти формы реализуются и в глобальном управлении [9, р. 79-98]. В иерархии управление осуществляется в силу властной асимметрии между сторонами. Причём подчинённая сторона не может выйти из этих отношений. Власть в иерархии не обязательно должна иметь принудительный характер. Она может иметь и институциональное, и структурное измерение. Главное отличие этого типа управления заключается в невозможности выхода из системы подчинённой стороны.

Рыночное управление осуществляется через обезличенные механизмы ценообразования. Покупатель и продавец взаимодействуют друг с другом только потому, что их устраивает рыночная цена сделки. Если на рынке нет монополии и развиты институты общественного контроля качества поставляемых товаров и услуг, между продавцом и покупателем нет властной асимметрии. Они в любой момент могут выйти из отношений. Сетевое управление похоже на рыночное, однако имеет специфику. Сеть, в отличие от рынка, характеризуется более тесной ценностной связью между акторами. Однако, в отличие от иерархических отношений, акторы свободны настолько, что могут покинуть сеть. Сети возникают и формируются вокруг ценностей.

Остановимся подробнее на каждой из перечисленных форм управления.

«Кормчий» (иерархия)

«Управление» как термин этимологически восходит к греческому слову κυβερνάω [kubernáo] (правлю рулём, управляю). Глагол κυβερνάω и производные от него слова часто встречаются в поэмах Гомера, а также в диалогах Платона. Исходный смысл этой группы слов заключался в управлении кораблём (колесницей), или в направлении корабля в определённую сторону. Сократ в диалоге Феаг отождествляет искусство управления кораблём или колесницей с управлением людьми и государством, используя для этого один и тот же глагол κυβερνάω [Платон а]. Таким образом, управление изначально мыслилось как искусство кормчего вести свой корабль к цели, минуя опасности и противостоя непогоде.

Правление государством также изначально

представлялось как искусство правителей направлять развитие полиса к достижению всеобщего блага, знанием которого обладают только философы. Лишённые любви к мудрости могут подменить идею блага, вложив в неё иной смысл, например, выгоду, удовольствие, власть. «Познаваемые вещи, – утверждал Сократ, – не только могут познаваться лишь благодаря благу, но оно даёт им и бытие, и существование, хотя само благо не есть существование, оно – за пределами существования, превышая его достоинством и силой. ... Что придаёт познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага – причиной знания и познаваемости истины» [4].

Философы причастны истинной идее блага и могут постигать то, что вечно тождественно самому себе, т.е. способны мыслить мир в его вечных идеальных образах. Поэтому только философы способны управлять государством справедливо, так чтобы всё в нём соответствовало своей идее.

Рассказ Платона о пещере в диалоге «Государство» является краеугольным мифом западной политической мысли. Он объясняет источник политического авторитета. Люди, сидящие в оковах в пещере, лишённые света, могут видеть только тени на стенах, отбрасываемые проходящими мимо людьми и слышать только отголоски доносящихся разговоров и звуков. Лишённые непосредственного видения мира, они познают его по теням и отголоскам. И если кому-то удастся освободиться из оков и выбраться из пещеры, взору его откроется совсем иной мир. Философы, благодаря своей любви к мудрости, освобождаются от оков восприятия мира в его чувственной, эмпирической проекции, и обретают способность непосредственного умозрительного знания.

В этой способности, по словам Ханны Арендт, и состоял источник политической власти. Иными словами, правитель обладал авторитетом, если управляемые верили в его способность видеть истинное положение дел в государстве и в мире. При этом, в западной политической мысли сфера идей лежала в прошлом, главным образом в мифе об образовании Рима. Истинное понимание политического устройства современного мира могло быть получено только при способности интерпретировать настоящее с помощью мифа об образовании Рима.

Управление в его западном понимании включает в себя семь составляющих:

- актер или **субъект** управления (правитель или кормчий);
- **объект** управления (полис или корабль);
- **авторитет** (причастность к благу или умение читать карту и ходить по компасу);
- **проект** или план (стремление к справедливости или стремление к пункту назначения);
- **механизмы** управления (технология управления кораблём или полисом);

– **институты**, благодаря которым процесс управления воспринимается как осмысленное, упорядоченное действие и, наконец формальные и обычные законы, нормы, правила;

– **ресурсы** управления, позволяющие, актуализировать волю актора согласно проекту.

Описанная выше схема представляет собой иерархический подход к управлению, основанный на властной асимметрии между субъектом и объектом управления. Такой подход предполагает наличие разумной интенциональной воли, которая управляет определенной системой, реагирующей на управление.

«Крестьянин» (рынок)

Противоположной описанной выше является дальневосточная картина мира. Волевая активность человека в этой картине не поощряется. Человек должен гармонизировать свою волю с ритмом вселенной. В.С. Степин отмечает, что в китайской культурной традиции предполагалось, что деятельность человека по отношению к природе не должна носить характер насилия [5, с. 371]. В китайской культуре человек ассоциировался с образом крестьянина, а не мореплавателя. «Но крестьянин, если он сделал все, что положено, вынужден ждать урожая. Одна из притч китайской философской литературы высмеивает человека из царства Сун, который проявлял нетерпение и недовольство, глядя, как медленно растут злаки, и принялся тянуть растения, чтобы заставить их вырасти скорее» [2, с. 159–160].

Противопоставление силовому и ненасильственному действию в китайской литературе отражается в терминах вэй и у-вэй. Недеяние (у-вэй), как отмечает В.С. Степин означало не отсутствие какого-либо действия, а такое действие, которое позволяет природе развиваться собственным путём. Согласно Лао-Цзы, «если кто-либо хочет овладеть миром и манипулировать им, того постигнет неудача. Ибо мир – это священный сосуд, которым нельзя манипулировать. Если же кто хочет манипулировать им, уничтожит его. Если кто хочет присвоить его, потеряет его». В.С. Степин отмечает, что принцип у-вэй «в наше время довольно неожиданно начинает коррелировать с представлениями синергетики о возможных стратегиях управления сложными самоорганизующимися системами» [5, с. 371].

Однако следует вспомнить и знаменитый ответ французских торговцев на вопрос министра финансов Франции, убеждённого меркантилиста Жана-Баптиста Кольбера о том, чем им может помочь государство. «Laissez-nous faire», – ответили они, согласно легенде. Вера классических либералов и современных либертарианцев в самоорганизацию рынка, благодаря которой только и возможно, по их мнению, оптимальное распределение производственных ресурсов в экономике и установление справедливой цены, схожа с верой китайского крестьянина в

плодородие земли. Поэтому принцип у-вэй не является ценностью чуждой западной культуре.

В данном подходе субъект и объект управления неразличимы. Успех управления зависит от того, насколько полно субъекту удалось слиться с объектом, гармонизировать свои ценности с ценностями управляемой им системы. Хорошо описывает данный подход акторно-сетевая теория, в которой субъект и объект неразличимы. Инструментом сетевого управления служит диалог – дискуссия между равными акторами. Диалог позволяет прийти к согласию множеству акторов с различными интересами и идентичностью, но равными властными потенциалами.

Сети представляют собой сложные коммуникативные структуры, формирующиеся вокруг общих ценностей, которые одновременно обеспечивают единство цели и гибкость её достижения за счёт высокой адаптивности сетей к изменяющимся внешним условиям [7, р. 21]. Таким образом, сеть является наиболее эффективным способом организации в среде, характеризующейся высоким развитием информационных и транспортных технологий, в связи с её высокой гибкостью, масштабностью и живучестью. Сеть идеальна для выработки и достижения общих целей в условиях высокой изменчивости внешней среды. Такая изменчивость характерна для общества постмодерна и постиндустриальной экономики.

«Психоаналитик» (сеть)

В предыдущих двух образах управления отношение в системе имело субъектно-объектный характер. «Кормчий» и «крестьянин» объективирует всё, чем управляют. Принципиально иной образ управления возникает, когда отношения между управляющим и управляемым принимают форму субъект-субъект. В таком случае управление может принять диалогическую форму, в которой определённые параметры (идентичность, ценности, цели) субъекта управления меняются вслед за изменениями параметров объекта управления. При таком взаимодействии сложно даже говорить об управлении, скорее это реализующее определённую цель соразвитие двух субъектов.

Здесь следует обратиться к творчеству М.М. Бахтина, к его теории диалога. В поэтике романов Достоевского исследователь выделил общий структурный принцип диалога, согласно которому идентичность каждого из героев романа достигает своей завершенности только в рамках диалога с другими персонажами, чья идентичность также была открытой до вступления в диалог. Такой диалог «строится не как целое одного сознания, объектно принявшего в себя другие сознания, но как целое взаимодействие нескольких сознаний, из которых ни одно не стало до конца объектом другого; это взаимодействие не даёт созерцающему опоры для объективации всего события по обычному монологическому типу (сюжетно, лирически или

■ Политология

познавательного), делает, следовательно, и созерцающего участником» [1, с. 10].

Такая трактовка диалогичных отношений позволяет увидеть возможность сохранения различных культур политического взаимодействия. Более того, кантрианская культура как наиболее прогрессивная с точки зрения линейной модели может утратить способность существования без диалогических отношений с локкианской и гоббсовской культурами, так как сама является, по сути, незавершённой моделью. «Быть, – отмечает М.М. Бахтин, – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, всё кончается. Поэтому диалог, в сущности, не может и не должен кончиться» [1, с. 150].

Солидарность как основная форма сетевого управления подразумевает безоговорочное оказание поддержки и выражается в социальном капитале и доверии. Накапливается он долго, однако без него невозможно нормальное функционирование, к примеру, демократических режимов [6]. Основная ценность солидарности заключается в переориентации акторов с интересов на ценности. Если в сети актор остаётся до тех пор, пока это соответствует его интересам (в ином случае он может перейти в другую сеть), то солидарность характеризуется способностью акторов жертвовать своими интересами ради поддержания общих для сообщества ценностей, которые являются продуктом отношений солидарности. Управление на основе солидарности подразумевает создание сообщества, которое производит ценности.

Б. Джессоп утверждает, что на уровне мировой политики вышеперечисленные формы управления приобретают метаформу, реализация которой является задачей национальных государств:

– первая модель метауправления, «метаобмен» состоит в реорганизации отдельных рынков (земли, труда, капитала, интеллектуальной собственности) и отношений между рынками путем изменения их институционального дизайна и условий взаимной кооперации. Примером

такого метауправления служит постепенная реорганизация рынков в соответствии с нормами неолитерализма: дерегулирование, либерализация, приватизация, интернационализация и сокращение налогов;

– вторая модель метауправления – «метаорганизация». Объектом управления данной модели служит организационная форма различных институтов мировой политики. В частности, метаорганизационное управление проявляется в реформировании государственного аппарата в странах Запада по модели «нового публичного управления»;

– третья модель метауправления, «метаиерархия», заключается в создании соответствующих условий для самоорганизации иерархических систем путём улучшения каналов коммуникаций и переговорных практик между различными уровнями иерархии. Примером такой модели метауправления, по мнению Б. Джессопа, служит открытый метод координации», применяемый в ЕС для согласования, обмена опытом и конвергенции практик реформирования национальных экономик, систем социального обеспечения, а также сферы занятости;

– четвёртая модель метауправления, «метасолидарность», направлена на создание условий, необходимых для укрепления солидарности на всех уровнях мировой политики. Примером реализации данного метода управления, по мнению Б. Джессопа, служат различные политические инициативы в рамках неоконмунитарной логики [8, 2004].

Глобальное управление на современном этапе развития человечества принимает различные формы и реализуется различными акторами. Определить наиболее эффективную форму реализации глобального управления невозможно. Эффективность главным образом зависит от соответствия формы управления объекту управления. При этом следует отметить, что метауправление скорее всего останется монополией институционально сильных государств.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М. 1963.
2. Ниддам Дж. Общество и наука на Востоке и на Западе // Наука о науке. М., 1966. С. 159–160.
3. Платон а. Государство // <http://lib.ru/POEEAST/PLATO/gosudarstvo.txt>
4. Платон b. Feag. <http://www.nsu.ru/classics/bibliotheca/plato01/feag.htm>
5. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006.
6. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2004.
7. Castells M. The Communication Power / M. Castells. Oxford Univ. Press, 2009.
8. Etzioni A. From Empire to Community: A New Approach to International Relations / A. Etzioni. Palgrave Macmillan, 2004.
9. Jessop B. From Governance to Governance Failure and from Multi-level Governance to Multi-scalar Meta-governance / B. Jessop // The Disoriented States: Shifts in Governmentality, Territoriality and Governance / B. Arts, A. Lagendijk, H. van Houtum (eds.). Springer, 2009. P. 79–98.

■
Об авторе

Харкевич Максим Владимирович – к.полит.н., доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России. E-mail: m.kharkevich@inno.mgimo.ru.

FORMS OF GLOBAL GOVERNANCE

Maxim V. Kharkevich

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Global governance as a concept defines the meaning of contemporary world politics both as a discipline and as reality. Interdependent and globalized world requires governance, and a global government has not been formed yet. The theoretical possibility of global governance without global government is proved and justified. The purpose of this article is to analytically identify possible forms of global governance.*

Three such forms of global governance are identified: hierarchical, market and network. In a hierarchy the governance is due to the asymmetry of power between the parties. Market control happens via anonymous pricing mechanism. Network, in contrast to the market is characterized by a closer value link between the actors, but unlike the hierarchical relationship actors are free to leave the network.

Global governance takes three forms and is being implemented by different actors. To determine the most efficient form of global governance is impossible. Efficiency depends on the match between a form and an object of government. It should be noted that meta governance is likely to remain a monopoly of institutionally strong states in global governance.

Key words: global governance, hierarchy, market, network, solidarity.

References

1. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow. 1963. (In Russ.)
2. Niddam Dzh. Obshchestvo i nauka naVostoke i na Zapade [Society and science in the East and in the West]. Nauka o nauke. Moscow, 1966. P. 159-160. (In Russ.)
3. Plato. Republic. URL: <http://classics.mit.edu/Plato/republic.html>
4. Plato. Theages. URL: <http://en.wikisource.org/wiki/Theages>
5. Stepin V.S. Filosofianauki. Obshchie problem [Philosophy of science. General issues]. Moscow: Gardariki, 2006. (In Russ.)
6. Fukuyama F. Trust: The social virtues and the creation of prosperity. New York: Free Press, 1995.
7. Castells M. The Communication Power. Oxford Univ. Press, 2009.
8. Etzioni A. From Empire to Community: A New Approach to International Relations. Palgrave Macmillan, 2004.
9. Jessop B. From Governance to Governance Failure and from Multi-level Governance to Multi-scalar Meta-governance. The Disoriented States: Shifts in Governmentality, Territoriality and Governance. B. Arts, A. Lagendijk, H. van Houtum (eds.). Springer, 2009. P. 79–98.

About the author

Maxim V. Kharkevich – Candidate of Political Sciences, assistant professor at the Department of World Politics, MGIMO-University. E-mail: m.kharkevich@inno.mgimo.ru.